Э. ЛИСТ

Д-р философии, профессор университета Карла-Франца, г. Грац, Австрия

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬ[1]
(перевод с немецкого Д.В. Ефременко)

Не одно лишь «я мыслю», но также и «я живу» должно иметь возможность сопровождать все мои представления. Именно так следовало бы переформулировать ключевые слова кантовской «Критики чистого разума» с учетом новейших тенденций технического развития, затрагивающих, в частности, и органический мир, мир живых существ. В контексте этих тенденций приоритетное значение должно иметь не еще большее упрочение царства человеческого Ratio, но, скорее, борьба против злоупотребления разумом, а также забота о выживании человеческого рода. В самом деле, новейшие, передовые формы технического разума, информационные технологии и их биотехническое применение ведут к тому, что объектом изменения оказывается уже не природа вокруг нас, но мы сами в нашем телесном существовании, биофизическое строение Homo Sapiens.

Мы все чаще обнаруживаем, что интерпретации человеческого тела оказываются конъюнктурно зависимыми. Существует крикливая фракция приверженцев киберпространства, чьи новые технологии и виртуальные миры эйфорически возвещают наступление эпохи нового тела, создаваемого путем протезного замещения несовершенных

[1] Настоящий перевод выполнен по тексту доклада, прочитанного Элизабет Лист в апреле 2001 г. на семинаре в Институте перспективных исследований науки, техники и общества, г. Грац, Австрия. Основные положения этого доклада были включены в книгу: *List E.*Grenzen der Verfügbarkeit. Die Technik, das Subjekt und das Lebendige. Wien: Passagen Verlag, 2001.

человеческих органов высокоразумными машинами. Подобные манифестации, особенно часто встречающиеся в рекламе, а также в журналах и на фестивалях художественного авангарда, столь навязчивы, что скептики, усматривающие в этой эйфории реализацию безумного проекта коллективного самоуничтожения, подвергаются опасности быть отнесенными к фундаменталистам вместе со сторонниками эзотерических сект и исламскими моджахедами.

Разумеется, речь здесь, в самом деле, идет о фундаментальной проблеме – об условиях, гарантирующих возможность жизни. Достижения в области биотехнологий позволяют понять, где и как эти условия и возможности вообще существуют. Разъяснение этого вопроса всегда играло центральную роль в теоретической биологии; именно он был стержнем векового противостояния витализма и механицизма. Спор этот не разрешен до сего дня. Тот неприятный для требований объяснений физики факт, что феномены органической жизни отклоняются от закономерностей термодинамики, побудил в свое время Эрвина Шрёдингера предположить, что тайна противоречащей законам энтропии способности организма сохранять собственный порядок кроется в структуре макромолекулы живого. Разумеется, Шрёдингер тем самым перенес вопрос в другую плоскость[1]. Он был вновь поставлен в более поздних спорах о происхождении этой молекулы и ее роли для самоорганизующихся систем.

На основе знаний теории информации, биохимии и микрофизики современная биология в состоянии более точно описать материальный субстрат жизни, включая и проявления сознания, и понять их лучше, чем когда-либо прежде. Именно поэтому биотехнологии открывают совершенно новые перспективы.

Человеческое тело становится предметом технических фантазий, начиная с фантазий «постбиологической» или «постгуманной» самотрансформации посредством технического вмешательства в субстанцию телесности[2]. Можно говорить о «возвращении тела» в виде нового технообраза. Речь идет о «возвращении тела», так как более чем два тысячелетия западного рационализма почти

[1] См.: *Schrödinger E.* Was ist Leben? Die lebende Zelle mit den Augen des Physikers betrachtet. – Bern, 1946.

[2] См.: Kunstforum International. Die Zukunft des Körpers. 2 Bde. – München, 1996.

что позволили забыть, что дух сам по себе есть не что иное, как манифестация живого. Этот возврат обнаруживает себя в индустрии новых репрезентаций тела, например, в виде сконструированного киборга или «терминатора», но также и других. Реальной основой таких проявлений фантазии является прогресс информационных технологий и биотехнологий, для которых человеческое тело – всего лишь предпочтительный объект манипулирования. А это лишний раз подтверждает, что трансформация современного жизненного мира посредством техники все больше распространяется и на человеческое тело.

От представления к производству: Техническая наука как проект пересоздания жизни

Наука и техника изменили мир в такой мере, о которой такие пропагандисты нового естествознания в XVII столетии, как, например, Фрэнсис Бэкон, только могли мечтать. До середины XX столетия эти изменения в развитии техники касались, прежде всего, достижения господства над внешней природой. Но самые впечатляющие научные и технические инновации, которые сегодня указывают путь в следующее тысячелетие, происходят в других областях: прежде всего в области биотехнологий, которые позволяют изменить нашу собственную телесную организацию ранее совершенно недоступным способом, а также в области новых технологий духа, как можно было бы назвать электронные коммуникационные и информационные технологии. Решающие импульсы их развитию дали научные открытия военного и послевоенного периода – расщепление ядра, кибернетика, технические средства связи и, наконец, молекулярно-биологическая дешифровка ДНК в пятидесятые годы. Будучи в сущности лишь побочным продуктом военно-стратегического и промышленного развития, эти технологии сегодня оказывают всестороннее воздействие на культуру в целом, в частности в области информационных технологий, культурной индустрии и средств массовой информации. Одновременно они воздействуют на то, что Юрий Лотман называет «семиотическим механизмом культуры», а именно на определяющий культуру способ символизации, изображения действительности и самовос-

приятия. Это воздействие сравнимо по своей значимости с изобретением письменности примерно 5000 лет тому назад.

Решающий шаг к кибернетической информационной культуре был сделан с изобретением и применением компьютерной техники, способной выполнять отдельные, строго определенные функции человеческого интеллекта – как документирование, так и процессирование[1]. Иначе говоря, машине делегируется не только представление и хранение человеческого знания, также и его производство. Машина предъявляет доказательства того, что теперь она в состоянии выполнять когнитивные функции человеческого интеллекта, которые до сих пор казались его неотъемлемой частью. Кажется даже, что она способна превзойти здесь человеческий интеллект. Но при этом не следует забывать, что первые конструкции компьютеров были попытками имитировать функции человеческого мозга[2]. Если принять во внимание эту историко-научную подоплеку, становится понятным почему специалисты в области молекулярной биологии первоначально пытались анализировать процессы жизни на языке теории информации. Впоследствии это тесное взаимодействие компьютерной техники и молекулярной биологии выступало как мотор экспериментального исследования в обеих областях. Донна Харауэй говорит в этой связи о «симбиозе информатики и биологии»[3], наглядным примером чему служит нынешняя гонка вокруг дешифровки человеческого генома[4]. Таким образом, современные технические науки подобно «Scientia activa» Бэкона и естествознанию эпохи Ньютона ориентируются на идеалы делаемости, изготовимости, которые нивелируют категориальные различия искусственного и естественного. Отличие же состоит в степени и новой форме воздействия на реальность.

Можно ли теперь – согласно духу времени – заявить, что фактически все живое вступило в эпоху своей технической воспро-

---

[1] См.: *Dreyfus H.F.* Was Computer nict können. Die Grenzen künstlicher Intelligenz. – Frankfurt a. M., 1989.

[2] См.: *Aspray W.* John von Neumann and the origins of modern computing. – Boston, 1990.

[3] *Haraway D.* Die Neuerfindung der Natur. – Frankfurt a. M.; N.Y., 1995.

[4] См.: Der Supercode: Die gentechnische Karte des Menschen / Hrsg. von D.J. Kevles., L. Hood. – Frankfurt a. M., 1995.

изводимости? Стало ли возможным достижение честолюбивой цели пионеров биологической науки на пороге XXI столетия? В том, что технические науки за последнее столетие радикально изменили современные условия жизни, нет никаких сомнений. Но в высшей степени сомнительно, что им удастся в полной мере заменить живое техническими артефактами.

Подобные сомнения высказываются часто, они необходимы, но требуются убедительные причины для того, чтобы их услышали. Очевидно, что моральные суждения чаще всего оказываются недостаточно убедительными и едва ли способны противостоять техническим амбициям вмешательства в живой организм, особенно тогда, когда основным аргументом является ссылка на священность жизни. Из простого окрика «Вы не смеете!» еще не следует никоим образом, что техника на самом деле не смеет того, чего она хочет. Теоретические и технико-научные утверждения о том, что нечто является технически возможным, нельзя опровергнуть при помощи политических или этических аргументов. Убедительными могли бы быть только такие аргументы, которые отвечают на вопрос об изготовимости и заменимости живого техникой там, где она у себя дома: в сфере технической деятельности. Естественно, особую релевантность имеет тот случай, когда вмешательство в живой организм становится вмешательством в самого себя, когда объектом технической манипуляции становится человеческое тело и его части.

Исходной предпосылкой здесь является понимание живого, включая и человека, как материи, материи со своей специфической структурой и организацией. Для биологов, чьим предметом исследований является молекулярное и субмолекулярное измерение генетического «материала» или же клетка в специально выращенных для исследовательских целей клеточных культурах, такое понимание выступает в качестве доминирующей установки. Они осуществляют свои исследования в специфических лабораторных условиях, при которых оказываются полностью заслонены естественные взаимосвязи выступающих объектами экспериментирования биотических элементов. Равным образом оказываются неучтенными и возможные обратные реакции на предпринятое в лабораторных условиях вмешательство в эти общие взаимосвязи. Тем самым под лозунгом объективации и специализации производится фрагментация живого на атомистически делимые составные части, которые

для нормальной науки обычно представляют мало интереса. Одновременно обнаруживается неспособность с этой точки зрения воспринимать собственную позициональность и вовлеченность в жизненные взаимосвязи.

Этот вид слепоты, характерный для отношения науки и техники к органическим взаимосвязям жизни, из которых они вырывают объекты исследования, могла бы иметь в долгосрочном плане фатальные последствия. Поэтому в первую очередь здесь необходимо осознание того, что, несмотря на кажущуюся автономность лабораторных артефактов, предмет лабораторных манипуляций неразрывно связан с реальностью органического и что техника сама призвана способствовать реализации эволюционного потенциала человека как специфической формы жизни.

Теоретической основой для развития этого тезиса могла бы служить философская антропология. Однако большинство существующих антропологических интерпретаций техники рассматривают лишь ее традиционные формы, не позволяя обосновать данный тезис. Исключением является разработанная Хельмутом Плесснером теория эксцентрической позициональности человека, которая выводит особенности человеческой формы жизни из теории живого. Она показывает, что присущая человеческому существованию *эксцентричность* заключается в способности человека выйти из центра своего жизнепребывания и посредством символов и рефлексии дистанционно проектировать свой собственный образ, который выступает в качестве опосредующей инстанции между его сознательной жизнью и его тварным существованием[1]. Тем не менее решающий пункт плесснеровской концепции эксцентрической позициональности состоит в том, что, несмотря на все символическое посредничество, человек является творением, животным, привязанным к своему телу и телесности.

Итак, существует момент позициональности, который человек разделяет с другими формами жизни – растениями и животными. Это одновременно есть особая структура и форма организации, отличающая живое от неживого. Следовательно, сравнение живого с другими физическими предметами возможно в характерном

[1] См.: *Plessner H.* Die Stufen der Organischen und der Mensch // *Plessner H.* Gesammelte Schriften. Bd. IV. – Frankfurt a. M., 1981.

двойном аспекте: прежде всего как объекта наряду с другими объектами, но, затем также и с учетом его центрального положения, в котором живое выступает как креативная форма по отношению к своей окружающей среде.

Плесснер различает открытую форму позициональности растений и закрытую форму позициональности, характерную для животных с развитой центральной нервной системой. Открытая форма позициональности растений организовывает обмен с окружающей средой непосредственно как процесс химических взаимодействий с тем, что находится за пределами растения, в то время как закрытая жизненная форма животных осуществляет этот процесс через обмен во внутренних органах. У сложных форм жизни, высших животных, все формы взаимодействия с окружающей средой происходят сенсомоторно при посредничестве мозга как центрального органа. Более фундаментальным моментом для организации живого является, напротив, его привязанность к своему жизненному окружению, а также репрезентации последнего в центральной нервной системе: «Так возникает жизненный круг, одна часть которого образуется организмом, тогда как другая – позиционным полем»[1].

Техническая эксцентричность

Ориентация на окружающую среду как одна из фундаментальных функций жизни получает среди людей новое яркое выражение. Чтобы пояснить специфическую разницу между животной и человеческой формой жизни, необходимо выяснить, чем характеризуется специфическая позициональность каждой из этих жизненных форм.

Животное благодаря центральной нервной системе центрично в отношении самого себя. Благодаря этому центральному органу, животное воспринимает собственное тело и его окружение и достигает контроля над ними. Однако сама «центричность», само «срединное пребывание» вовсе не даны, не дарованы животному. Осознанное отношение к своему «центропребыванию», согласно Плесснеру, дано только человеку. Характерный момент животной

[1] См.: *Plessner H.* Die Stufen der Organischen und der Mensch // *Plessner H.* Gesammelte Schriften. Bd. IV. – Frankfurt a. M., 1981. – S. 253.

формы жизни – центричность; принимаемый как принцип, достигает в итоге своей, как выражается Плесснер, сверхвысшей ступени в человеке[1]. Человек занимает эту ступень благодаря способности к символизированию окружающей его в данный момент реальности: «Он стоит в центре своего стояния»[2].

Плесснеровские формулировки в этом пункте не только трудно понять – они не содержат даже никакого пояснения того, о чем здесь, собственно, идет речь. Формулировка, подобная «он стоит в центре своего стояния», скорее всего означает, что речь идет о двух уровнях, на которых одновременно находится индивидуум: он находится в центре, и одновременно ему это центростояние дано, даровано. Речь идет здесь о «самоданности второго порядка» или, иначе говоря, о рефлексивности, которая становится структурно возможной через нечто третье, опосредующее обе формы «данности».

Плесснер пытается исключительную специфику рефлексивности, т.е. присущей людям формы «о-себе-знания», последовательно вывести из предпосылки позициональности. «Эксцентричность» – так называет Плесснер свойственную человеку форму дистанцированной и опосредованной самоданности – выводится им из позициональности, то есть из «центричности», из прямо противоположной предпосылки. Здесь обнаруживается серьезный пробел в здании плесснеровской теории. Дело в том, что человек не только занимает центральную позицию, но и знает об этом. Он знает, что не только может распоряжаться своим телом как животное, но что само «распоряжение телом» достигается им благодаря представлениям и символам. Плесснер говорит о человеке в троякой позициональности: как живое существо человек является телом, а также тем, что есть в теле и вне тела. О последнем можно предполагать, что речь идет о пребывании в среде (медиуме) символического, хотя Плесснер об этом и не говорит.

Медиум символического не создает сам отдельного человека. Он предзадан человеку традицией его группы, чье совместное бытие возможно только как осознанное совместное бытие в медиуме

---

[1] См.: *Plessner H.* Die Stufen der Organischen und der Mensch // *Plessner H.* Gesammelte Schriften. Bd. IV. – Frankfurt a. M., 1981. – S. 362.

[2] Там же.

символического. Однако символическое не является для человека надежным убежищем, поскольку предоставляет ему в высшей степени виртуальное и обманчивое представление о бытии. И тем не менее этот медиум символического, благодаря которому человек может позиционировать себя «вне» собственного тела, является необходимой предпосылкой существования вида «человек». Ясный отказ Плесснера от всех надежд на «достоверность жизни» служит лишь убедительным подтверждением безальтернативности существования в эксцентрической позициональности обманчивого мира символов, вырваться из которого человек не в состоянии. Такое пессимистическое видение человеческой способности к ориентации относится не только к миру культурных символов, но и к миру технических артефактов, которые зависят от символического.

Тем не менее очевидно, что человек даже в эксцентрической позициональности должен оставаться животным: «На двойной дистанции от собственного тела, то есть от самопребывания, человек находится в мире, соответствующем троякой характеристике его позициональности – внешний мир, внутренний мир и социальный мир»[1]. Последний представляет для Плесснера хотя и существенную часть мира, но все же лишь одну из предпосылок эксцентричности.

Всегда, когда стремятся определить «где» применительно к эксцентрическому существованию, оно оказывается отличным от «здесь-теперь» телесной позициональности. Вероятно, это «где» есть не что иное, как мир воображаемого, виртуального, возможного. Оно символически конституирует и конструирует, и вместе с тем оно относится к сфере опосредования социальных связей, сфере отношений обмена и господства. Экзистенциальная зависимость индивидуума от медиума символического делает последнего универсальным инструментом властвования. Мир, заданный в измерении медиально произведенной эксцентричности, остается – и это имеет большое значение для определения характера воздействия техники на живое – неразрывно связанным с двойственностью телесного существования человека.

В эксцентрической позициональности индивидуум в состоянии представить себя как телесную вещь наряду с другими вещами.

---

[1] См.: *Plessner H.* Die Stufen der Organischen und der Mensch // *Plessner H.* Gesammelte Schriften. Bd. IV. – Frankfurt a. M., 1981. – S. 366.

Посредством символического человеческое воображение способно создать две отличные друг от друга картины мира, которые находят отражение в различных реально-исторических фактах. Одна из них представляет человека как тело, занимающее центральное положение в собственном мире, независимо от того, с какой стороны его рассматривать. Это служит основой органологического представления о мире, которое играло решающую роль в истории духа вплоть до Ренессанса, то есть фактически вплоть до рубежа современной эпохи. Но, начиная с различных «научных революций» XII столетия, вместе с механистическим мышлением утверждается совершенно другой взгляд на мир, рассматривающий человека как телесную вещь в рамках математически-физикалистской картины мира. Этот взгляд на мир решающим образом повлиял на развитие современного естествознания, прежде всего биологии. Обе эти картины мира обусловлены двойственным характером человеческой телесности (я есть телесная вещь наряду с другими вещами, но вместе с тем я центрировано в своем собственном теле), которая для Плесснера одновременно радикальна и неустранима.

Плесснер не дает никакого объяснения тому феномену, что в пространстве воображения оба аспекта живого взаимно поглощают, гасят друг друга, тогда как в повседневном опыте они остаются неразделимы. Объяснение может быть лишь одно: эксцентрическое дистанцирование от собственного опыта возможно, поскольку мы в состоянии делать это благодаря опосредующей роли мысли и символов, способных перенести наше сознание в абсолютно виртуальный мир мыслительных моделей. Эта способность лежит также в основе опыта абстракции, ментального перемещения из сферы видимого – конкретного в мир идей, понятий и символов.

Способность к дистанцированию от конкретного признавалась еще Платоном как высшее достижение человеческого духа; она же была вознесена одним из пионеров науки Нового времени Галилеем на пьедестал первейшей научной добродетели: единственно реальным является не конкретное, обнаруживающее себя в нашем субъективном ощущении, но то, что позволяет себя упорядочить через числа и измерения в математическом космосе. Мы способны к символизированию и одновременно зависим от символов, в которых ищем ориентацию. Понятие символа близко к идеям Платона, и, следовательно, постмодернистское увлечение конст-

руирующей действительность властью символов можно охарактеризовать как позднюю форму платонизма, подобно тому как галилеевское переоткрытие мира в порядке математики, несомненно, несет следы платонизма. И то, и другое являются формами интеллектуальной эксцентричности, которые оставляют незамеченным момент позициональности живого как формы телесного пребывания в мире.

То, что Плесснер называет позициональностью, для естествознания Нового времени выступает как нечто нерелевантное научному познанию и научной интерпретации жизни. Рассуждение о «живом», о конкретном, вытеснено из науки. Но для понимания последствий технического вмешательства в живое, и прежде всего в человека, принципиальное значение имеет аспект эксцентрической позициональности, в которой человек осуществляет дистанцирование от собственного телесного бытия и объективирует самого себя как вещь внешнего мира. Эта способность к дистанцированию и объективированию является предпосылкой технического вмешательства в жизненные взаимосвязи организмов.

Почему это так? Чтобы сделать возможным техническое вмешательство в предмет, объект интервенции должен быть символически представлен как объект внешнего мира, наряду с другими предметами объектного мира – ножами, иглами, зеркалами – таким образом, он может быть в дальнейшем подвергнут манипулированию. То, что в данном случае речь идет не просто о механических моделях, используемых для представления тела в категориях мира физических вещей, ничего не изменяет в главном: дистанцирование посредством символизирования в вещь внешнего мира или виртуального мира репрезентаций есть предпосылка ремесленно-технического манипулирования.

Эти когнитивные моменты, однако, недостаточны, чтобы заявить о прорыве к технологии вмешательства в тело другого человеческого существа. С точки зрения истории медицины и биологии необходимо отметить, что в изучении человеческого тела первоначально решающую роль играло исследование неживого, то есть трупов. Анатомы XVI столетия относились к трупам казненных как к объекту манипуляции, предоставленному в их распоряжение. В более поздние времена поставка трупов для исследования стала чрезвычайно сложной проблемой. На использование трупов

фактически было наложено табу, которое было трудно преодолеть. В XIX столетии перешли в конце концов к интервенции в живое тело, к опытам с людьми[1]. Только с этого момента можно говорить о техническом вмешательстве в человеческий организм, и это дает основания спросить, может ли плесснеровская категория эксцентричности отныне включать в себя и технические констелляции?

К истории научно-технической эксцентричности

С тех пор как возможности технического вмешательства в жизнь и природу экспоненциально возросли, сложилось убеждение, что этическое нормирование биотехнологий является насущно необходимым. Однако нам нужно выяснить, как эта ситуация вообще стала исторически возможной. Исходя из технико-антропологических выводов теории эксцентрической позициональности Плеснера, следует подчеркнуть, что дистанцирование от собственного тела и интерпретация его как вещи наряду с другими вещами в физическом континууме пространство-время могут быть осуществлены только при помощи символов, которые формируют для этого специфический культурный контекст в определенной исторической фазе развития культуры. Эволюция техники тесно связана поэтому с историей употребления символов. Употребление символов, в особенности использование специфических «техноморфных» символов и понятий, возникает, конечно, не когда-нибудь и как-нибудь, но в конкретных контекстах конкретного манипулирования с предметами.

Эрнст Мах в своей книге «Культура и механика» описывает возникновение основных представлений элементарной физики в связи с ремесленным опытом, еще конкретнее – в связи с опытом ручной обработки материалов и предметов различных видов и форм. В процессе приспособления материала для определенных целей, например для изготовления бытовых предметов или для строительных работ, возникает соответствие между уровнем символического изображения или репрезентации и уровнем ручной

[1] См.: *Bergmann A.* Wissenschaftliche Authentizität und das versteckte Opfer im medizinischer Erkenntnisprozess // Inszenierung von Authentizität. Hrsg. von: E. Fischer-Lichte, I. Pflug. – Tübingen; Basel, 2000.

обработки или более поздних экспериментальных практик. Это соответствие подтверждает история успеха естествознания Нового времени: для буржуазного общества, носителями которого прежде всего являются ремесленники и торговцы, полезными являются производственные знания. Специфическая форма математически упорядоченного знания, на котором основаны современная наука и техника, не возникает непосредственно из развития новых производственных практик. Она является результатом исторического взаимодействия специфической формы аксиоматически-теоретической репрезентации исследуемых предметов и их применения для конкретных технических проектов производства материальных артефактов.

По мере того как новое естествознание все больше ориентировалось на методы экспериментальной и технической манипуляции с физическими объектами, возрастало и их «реальное содержание». Основным критерием «реальности» выступала способность теорий и законов природы обеспечить математически рассчитываемое и экспериментально-технически контролируемое оперирование с миром объектов. Объектный мир естествознания является тем, что Плесснер называет «внешним миром», то есть отношением к миру в эксцентрической позициональности, возможностью символической репрезентации мира в дистанцировании от собственной позициональности.

Является историческим фактом, что начиная с научной революции XVII столетия существовала убежденность в том, что также и биология, наука о телесном строении животных и человека, должна следовать физической модели внешнего мира. Другими словами, сугубо механистическая галилеевская модель физического космоса превратилась в модель, в которой ученый воспринимает как самого себя, так и мир в целом. С точки зрения радикального двойного аспекта опыта это означает приглушение собственной позициональности в тотальности космоса, игнорирование опыта собственной телесности[1]. Это означает также расставание с немеханистическими представлениями о живом и элиминацию субъектив-

[1] См.: *Kutschmann W.* Der Naturwissenschaftler und sein Körper. Die Rolle der «inneren Natur» in der expirementellen Naturwissenschaft der frühen Neuzeit. – Frankfurt a. M., 1986.

ного как источника познания, а вместе с тем, говоря словами Плесснера, отрицание и вытеснение двойного аспекта всего живого.

Сказанное тем не менее не означает, что основные особенности живого – позициональность и способность выступать в качестве субъекта – могут быть устранены или хотя бы поколеблены. Это может касаться лишь коллективного сознания в отношении к бессознательному, на что позднее вновь попытался пролить свет психоанализ.

Четко обозначившаяся в настоящее время тенденция биотехнического развития делает неизбежной постановку вопроса о последствиях неуклонного приспособления диспозитива технического контроля к целям овладения природой как ресурсом для бизнеса, промышленности и торговли, и, в частности, к целям манипулирования с человеческим телом.

Решающая роль технической эксцентричности впервые была осознана и эмпирически подтверждена в эпоху прогресса технических наук и утверждения привнесенной ими технокультуры. Сегодня преобразующая действительность власть технологий проявляется не только в области неорганической природы, но и в области технологий воздействия на живое, или, как чаще принято их называть, биотехнологий. Эта преобразующая власть, небывалая мощь которой в современном обществе обусловлена экономическими интересами ее применения, позволяет манипулировать с фундаментальной способностью живого – способностью не только поддерживать себя в окружающей среде посредством обмена веществ, но также воспроизводить и трансформировать самое себя. Способ самовоспроизводства организма становится на определенном уровне сложности вопросом селективности спонтанного процесса жизни, вопросом существования в будущем. Но эта фундаментальная способность к самопроизводству обретает на уровне технического оперирования с телом совершенно новое качество.

В своем историческом контексте тенденция преобразования действительности путем технического изменения живого диктуется капиталистической логикой присвоения, интересами военно-промышленного комплекса, но также и интересами научно-технической мысли, и в особенности медицинской науки. Однако решающее значение с точки зрения антропологии и теории жизни имеет вопрос об управляемости техническим вмешательством в

живой организм. Конечно, имеются области биотехнологии, где эти процессы относительно хорошо управляемы и могут легко контролироваться. Так, существуют формы медицинского вмешательства в тело, которые не влияют на позициональность живого – например, наложение шины на сломанную кость или удаление больного зуба. Совершенно иначе обстоят дела в области высокотехнологичной медицины, например в медицине трансплантации и при искусственном оплодотворении[1].

Здесь формы вмешательства в материальную субстанцию живого должны рассматриваться в каждом конкретном случае. Однако везде, где объектами технического вмешательства становятся элементы живого, проявляются ранее необозримые и непредвиденные эффекты этого вмешательства. Изучение желаемых и нежелательных эффектов является сегодня одним из приоритетных направлений экспериментального исследования. Вопрос об эффектах и их контролируемости есть вопрос о том, как вмешательство в физическое тело, которым мы являемся, воспринимается нашим телом и поведением, и как на них влияет. Это, в сущности, вопрос о том, изменяется ли качество нашего бытия как живого – и в каком направлении.

Вмешательство в человеческое тело, особенно в молекулярную структуру, при помощи генетических технологий, имеет в настоящее время жесткие юридические ограничения, из-за чего вопрос о непредвиденных кумулятивных эффектах подобного вмешательства еще не ставится конкретно. Однако на примере биосферы в целом, экосистем можно распознать, в каком направлении подобные изменения могли бы идти. Они накапливаются и усугубляются сегодня в угрожающем масштабе, в особенности такие болезни, как рак, BSE (синдром коровьего бешенства), рассеянный склероз, растущее количество аллергических заболеваний самого различного вида, – все это последствия возрастающего отравления окружающей среды и нарушения цепей питания.

На этом фоне современные представления о теле в альтернативной медицине и терапии являются не чем иным, как стремлением использовать почти забытое, потаенное знание и опыт дотехни-

[1] См.: *Baureitel U.*, *Bergmann A*. Herzloser Tod. Das Dilemma der Organspende. – Stuttgart, 1999.

ческой эпохи. Напротив, биологические науки демонстрируют сегодня пренебрежение к этому массиву знания, накопленному на протяжении многих столетий. Они стремятся проникнуть в неизведанное, исследовать и сделать технически изменяемыми те свойства организма, которые лежат за пределами телесного восприятия. В сущности, это является попыткой трансформировать собственное тело в объект внешнего мира, попыткой игнорировать знание о собственной позициональности как живой сущности.

Согласно представлениям научной биологии, считается признанным, что ее модели удовлетворительно описывают тело на уровне «до сознания». Однако для подобных утверждений нет никаких доказательств. Кроме того, биология оперирует с лабораторными артефактами, а не с «действительными» телами. То, что лабораторная наука функционирует на основе таких предпосылок и даже достигает промышленно применимых результатов, не означает, однако, что она в самом деле нечто знает о живом организме, составные части которого она использует. Выступающие в защиту генетики энтузиасты пытаются оправдать этот недостаток странными заявлениями о том, что живой организм есть не что иное, как машина, обеспечивающая выживание стремящихся к увеличению своей численности генов[1]. Нужна слишком уж большая вера в авторитет ученых, чтобы поверить в декларации о несуществовании собственной физической сущности. Фактом является то, что биологические науки знают об организме как о живой сущности недостаточно, чтобы в полной мере нести научную ответственность за вмешательство. В конкретных, уже ставших рутинными случаях вмешательства в человеческий организм типа трансплантации, акцент делается на сохранении жизни, тогда как все прочее, связанное с подобным вмешательством и в конечном счете создающее новые угрозы для жизни, последовательно игнорируется[2].

Вопрос заключается в том, может ли техническое вмешательство в способ организации живого в какой-то мере его «упорядочить», или же оно вносит элемент беспорядка. На этот вопрос нельзя с

[1] См.: *Dawkin R*. The Selfish Gene. – L., 1978.

[2] См.: *Bergmann A*. Zerstückelter Körper – Zerstückelter Tod: Zur Dekonstruktion des Todes durch die Transplantationmedizin // Kleine Antworten: Reflexionen über Sterben und Tod / Hrsg. von: A. Hölscher, R. Kampling. – B., 2000. – S. 189–217.

ходу дать положительный или отрицательный ответ – для этого требуются конкретные аргументы. В смысле плесснеровского различения можно было бы предложить разработанные в русле «чистой эксцентричности» теории и проекты воздействия на живое вновь увязать с измерением опыта телесности, которое эти теории и проекты последовательно игнорируют, а также с конкретными суждениями живых субъектов относительно их телесного пребывания.

Право живого на существование

Будучи живыми существами, мы прекрасно знаем, что – несмотря на все амбиции, связанные с успехами биотехнологий, – есть тело, в котором мы живем, благодаря которому мы ощущаем, думаем, действуем, вообще существуем. Я чувствую, следовательно я существую. И не напрасно Habeas corpus act стал одним из самых важных документов в истории европейского движения за свободу. Свобода распоряжения собственным телом является элементарной предпосылкой всех других свобод – искусства, мысли и любви. К этим свободам относится также еще одна, которая выходит за границы той биопсихологической конфигурации, где обитают тело и душа. Речь идет как о свободе покончить с жизнью посредством самоубийства или «постбиологической самотрансформации», так и о свободе и праве сохранить условия нашего органического способа существования.

Технический прогресс делает защиту органических прав жизни первоочередной задачей будущего. Текучесть границ между естественным и искусственным не означает ни в коем случае, что тенденцию к техническому вторжению в тело следует воспринимать как неизбежность. В полном соответствии с принципами рационального процесса принятия решений необходимо выявить убедительные аргументы, на основании которых можно будет судить о принципиальной допустимости изменения биологического строения Homo Sapiens, о мере такого изменения и его возможных результатах. Необходимо понять, где и когда становится неизбежным создание нового поколения компьютеров и роботов, способных заменить человека? Нужно также тщательно оценить возможные результаты далеко идущего процесса отрыва мышления, действия и восприятия от тела посредством механизации: в ранней

истории антропогенеза подобный процесс, при котором функция добычи и первичной обработки пищи перешла к руке, привел к «вокализации» и развитию языка, что одновременно означало переход к культурной форме жизни. Подобный же процесс имел место и в период первой промышленной революции, когда изобретение механизмов и станков привело к «освобождению руки», то есть к освобождению от тяжелых работ и одновременно к существенному повышению производительности труда[1].

К чему, однако, может привести окончательное освобождение тела от его символических и когнитивных функций и его машинальная реализация в компьютерах и голографах? Разве что к фантастическому увеличению памяти и обработке данных? Как далеко может зайти процесс технологического замещения нашего символического внутреннего мира? Ханс Моравец, директор мобильной лаборатории роботов университета Карнеги Меллон, разработал поистине апокалиптический сценарий. Исходным его пунктом является момент, когда технологии протезирования окажутся настолько усовершенствованными, что их применение позволит с успехом заменить любые органы и нервную систему. Следующий шаг мог бы состоять в том, что и сам мозг как биологический и потому смертный механизм заменяется технической аппаратурой. Таким образом, это был бы «уже не мозг в контейнере, который управляет искусственным телом, но искусственное замещение того, чем некогда был человеческий мозг... Мы имеем теперь полностью искусственную систему, которая осознает себя как человеческая сущность и соответственно действует. От нашего первоначального тела не остается больше никаких следов, но наши мысли и наше сознание продолжают жить»[2].

Подобный мыслительный эксперимент предполагает полную передачу всего содержания сознания машине-мозгу, т.е. то, что на жаргоне компьютерной технологии называют загрузкой

---

[1] См.: *Leroi-Gourhan A.* Hand und Wort. Die Evolution von Technik, Sprache und Kunst. – Frankfurt a. M., 1981.

[2] *Moravec H.* Geist ohne Körper – Visionen von der reinen Intelligenz // Kultur und Technik im 21. Jahrhundert / Hrsg. von: G. Kaiser, D. Matejkovsky, J. Fedrovitz. – Frankfurt a. M. – N.Y., 1993. – S. 84.

(downloading). Какие этот процесс будет иметь последствия? Моравец продолжает:

«*После загрузки наша личность состоит лишь из некоего образца, записанного на электронной аппаратуре. Вместе с тем должны найтись пути, позволяющие перенести также и наш дух на аппаратуру похожего типа, подобно тому как компьютерные программы и данные могут быть перенесены с одного процессора на другой. Вслед за этим мы будем состоять уже не из аппаратуры (Hardware), но из программного обеспечения. Это не только позволит пересылать подобно факсу наше сознание из одного места в другое, но и даст возможность переносить по тем же каналам коммуникации также и все компоненты нашего духа. Последнее же сделает возможной ситуацию, когда одна часть нашего духа находится здесь, другая – там, наше сознание – еще где-нибудь, но все эти личностные компоненты связаны между собой каналами коммуникации*»[1].

Возвращаясь к теме исчезновения тела, Моравец дает ясный отрицательный ответ на вопрос, может ли здесь идти речь о «духе без тела». Ведь если бы мы существовали только как программное обеспечение в коммуникационной сети, это еще не означало бы, что мы стали духом без тела. Почему? Да потому, что мы продолжали бы верить, что обладаем собственным телом. Иначе говоря, наше представление о нас самих и о мире остается зависимым от восприятия собственного тела. Моравец показывает, к чему ведет попытка упразднения всякого опыта телесности:

«Человеку, который лишен полностью всех чувственных ощущений, совсем не хорошо. После двенадцати часов в резервуаре с соответствующим температуре тела растворе поваренной соли, когда на коже не остается почти никаких ощущений, при абсолютной темноте и тишине, при минимальном запахе, вкусе и дыхании, у испытываемых лиц наступают галлюцинации... Наш дух тем самым восстанавливает утраченную функцию телесности»[2].

---

[1] *Moravec H.* Geist ohne Körper – Visionen von der reinen Intelligenz // Kultur und Technik im 21. Jahrhundert / Hrsg. von: G. Kaiser, D. Matejkovsky, J. Fedrovitz. – Frankfurt a. M. – N.Y., 1993. – S. 85.

[2] Там же – С. 85.

То, что осталось, было бы «чистой эксцентричностью». Это означало бы наше исчезновение. И место на вершине эволюции было бы освобождено для «высшего», чисто машинного разума. К таким выводам приходит Моравец.

Инкарнированный разум высвобожденной из тела самости, embodied self, воспроизведенный наилучшим образом, является, несмотря на все неудачи, ясной декларированной целью исследования искусственного интеллекта. Речь идет не об упразднении человека, но о его улучшении посредством технического мимезиса. Сутью же технического мимезиса является контроль. Контроль посредством устранения случайности и контингентности есть предпосылка эксперимента и имитации. И то, и другое являются методами, которые основываются на исключении субъективного, следовательно на исключении того, что еще составляет conditio humana[1]. Проект объективации, таким образом, последовательно ведет к исчезновению в антропологическом смысле реальности на фоне знаков и переключений аппарата, ее охватывающего, то есть к исчезновению живого субъекта. Это и есть участь, ожидающая нас после реализации обещаний еще более прекрасного «нового мира» кибертехнологий. Там, где нет никакой зависимости от тела, никакой смерти, нет, вероятно, больше и никаких чувств, никакой боли, но также и никакой радости, словом – никакой жизни. Это была бы, строго говоря, чистая эксцентричность.

Такие идеи – исходят ли они от технических специалистов или деятелей искусства – сегодня еще относятся к области научной фантастики. Однако границы между научной фантастикой и наукой становятся все более текучими. Разумеется, невозможно вернуться к тому уровню знания, который уже преодолен в технических и биологических науках. Однако нет никаких разумных оснований, никакой вынужденности, вследствие которой спираль ускорения, дислоцирования живого и повышения эффективности в циркуляции материи должна была бы восприниматься нами как цивилизаторская необходимость.

[1] Conditio humana – условие, предпосылка человеческого существования.